

Леонтьева Т. В. Ментально-психологические мотивы в русских обозначениях обычая / Т. В. Леонтьева // Научный диалог. – 2014. – № 4 (28) : Филология. – С. 42–56.

УДК 811.161.1'37:391/398

Ментально-психологические мотивы в русских обозначениях обычая¹

Т. В. Леонтьева

Рассматриваются лексические репрезентанты понятия «обычай» в русских народных говорах и общенародном языке. Работа выполнена в рамках ономазиологического подхода. Проводится мотивационный анализ лексических единиц, во внутренней форме которых реализуются мотивы ментально-психологического плана. Обозначения обычая разделены на группы согласно выделенным мотивировочным признакам. Мотивы формулируются при помощи глаголов: «привыкнуть», «заучить», «повадиться», «верить». Это кажется автору наиболее верным, поскольку отражает значимую здесь сему 'отношение к факту действительности'. Доказывается, что обычай трактуется средствами языка как феномен действительности, ставший привычным, принятый на веру и усвоенный («выученный») в силу практического опыта: человек «привык», «заучил», «поводился», «верит». Делается заключение о том, что рассматриваемые обозначения содержат импликацию позиции субъекта-носителя традиции. Называя эти мотивы ментально-психологическими, автор принимает во внимание запечатленные во внутренней форме анализируемых слов представления об изменениях ментальности человека под воздействием психологических факторов. Логико-философским основанием такой трактовки выступает тезис о решающем значении восприятия человеком действительности для освоения им общего для членов данного социума общественного порядка. Намечаются перспективы дальнейших исследований обозначений обычая в мотивационном аспекте.

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ в рамках научно-исследовательского проекта № 14-04-00274 а «Вербальные репрезентации обычая в русском языке»

Ключевые слова: этнолингвистика; обычай; привычка; традиционный социум; вера; привыкнуть; верить; мотивационный анализ.

Лексические репрезентанты понятия «обычай» в русском литературном языке неоднократно становились предметом анализа в семантическом ключе. Уделялось внимание особенностям семантики слов русского литературного языка *обычай, традиция, ритуал, закон, обыкновение, нрав* и разграничению соответствующих понятий [Веснина, 2012; Глебкин, 1998; Доброниченко, 2013; Кравченко, 2009; Львов, 1975; Мустайоки и др., 2006; Сичинава, 2013; Трубачев, 2005; Чурсина, 2008; Шацкая, 2011 и др.]. Реже предметом изучения становится лексика русских народных говоров [Грицкевич и др., 2011]. Между тем накопленные диалектные материалы содержат значительно большее количество обозначений обычая (по нашим данным, полученным в ходе просмотра словарей и архивов, более 90 слов), чем русский литературный язык.

В отношении лексических множеств, как показывает уже сложившаяся исследовательская традиция, информативен ономаσιологический подход. Посредством его выявляются релевантные для носителя языка связи между понятиями: «Мотивационные связи, существующие в языке, характеризуют структуру ментального мира, то, как человек (язык) категоризует мир» [Толстая, 2002, с. 119]; «Выбор производящих основ, с одной стороны, определяется ономаσιологическими предпочтениями, отражающими в моделях мотивации связь этих понятий в картине мира этноса, а с другой стороны – ограничивается существующим в языке набором производящих корней / основ» [Варбот, 2007, с. 45].

Ономаσιологический подход к материалу предполагает анализ внутренней формы слов как сохраняющей актуальную информацию о том, каким представляется носителю языка объект номинации, в данном случае – социальная норма, обычай. Мотивационный анализ собранного нами методом фронтального просмотра словарей

и картотек множества обозначений обычая позволил выявить ряд мотивов. Под мотивом понимается реконструируемый смысловой элемент, фиксирующий факт осмысления объекта номинации через апелляцию к представлениям о других объектах действительности. Такой анализ вскрывает семантическую связь между двумя словами, из которых одно является производящим, другое – производным.

В данной статье представлены такие обозначения обычая, которые позволили реконструировать ментально-психологические мотивы «приучаться», «привыкать», «(по)вадиться», «верить». Рассмотрение их вызвано тем, что, во-первых, мотив данной группы реализован во внутренней форме ключевого слова анализируемого нами лексического ряда – существительного *обычай*, а во-вторых, речь идет о наиболее древних смыслах из числа положенных в основу обозначений обычая. В частности, между корнями *-ук-/-уч-/-вык-/-выч-/-обыч-*, активно проявившими себя в русском лексико-семантическом поле обычая, существует тесная связь – этимологическое родство.

Мотивировочный признак «обвыкнуть, привыкнуть, свыкнуться». Слово *обычай* возводится к праслав. **obvyčajь*, трактуемому как суффиксальное образование от основы глагола **obvykt'i*, а он, в свою очередь, от слабо засвидетельствованного в свободном виде глагола **vykt'i*, соотносительного с глаголом **vyknoti* [Фасмер, т. 3, с. 112; ЭССЯ, т. 31, с. 112–113, 117], ср. устар. и простореч. *обыкать* ‘привыкать’ [ССРЛЯ, т. 8, с. 576], др.-рус. *обыкнутися* ‘приучить себя к чему-л., приобрести привычку, обыкновение (делать что-л.)’; ‘освоиться, свыкнуться с чем-, кем-либо’ [СРЯ XI–XVII вв., вып. 12, с. 212], др.-рус. *вы́кнуть* ‘приобретать навыки, умение что-либо делать’ [СРЯ XI–XVII вв., вып. 3, с. 212], *вы́кнуть* ‘получать к чему-либо привычку’ [СЦСРЯ, т. 1, с. 206] и др.

Если в русском литературном языке закрепились лишь такие слова этого ряда, как *обычай*, *привычка*, *обыкновение*, *свычай* (ср. также диал. свердл. *привы́чка* ‘обычай’ (*Она снимат [=записывает] стару*

привычку; Ведь это с ума сойдёшь, Катя, вот какая была зараза, привычка какая [о свадебных обычаях]) [ЭИС, вып. 3, с. 131]), то русские народные говоры дают значительно более разнообразную картину.

Ближе всего фактам литературного языка, однако морфологически отличны от них такие лексемы, как *астрах.*, *арх.*, *сиб. обы́чая* ‘обычай’ (*Така обы́чая была – в пятницу да в субботу свадьба*) [СРНГ, т. 22, с. 289], *дон. обы́чая* ‘обычай’ (*Эта как вот раньше абы́чая была*) [БТСДК, с. 332]. Отметим также структурную близость *иван. обы́чка* ‘принятый порядок, обычай’ [СРНГ, т. 22, с. 290] русскому литературному *привычка*.

Приведем также не имеющие аналогов в литературной разновидности русского языка дериваты от *обычай*: диал. [без указ. места] *обы́чливый* ‘со своим обычаем’ [СРНГ, т. 22, с. 290], *южн. необы́чайный* ‘такой, который не в обычае, не принят, не водится где-либо, неприличный’ [СРНГ, т. 21, с. 100], *урал. заобы́чить* ‘войти в обычай’ (*Ни в законе нашем не узаконено, ни в обычае нашем не заобы́чено, чтобы женщина властвовала над мужчиной*) [Малеча, т. 2, с. 57], *забайкал. побы́чать* ‘поступать, как положено по обычаю’ (*Побы́чать будем али по-новому? Ежли побы́чать, то старики придут сами, по-новому, то их звать придется*) [СРНГ, т. 27, с. 213].

Очевидно, что современный носитель языка слабо осознает связь слова *обычай* со словами *привычка*, *привыкнуть*, но этимологически, как можно видеть, первичной была именно «психологическая» семантика индивидуального внутреннего изменения, действия: *обычай* – объект, явление, к которому человек привык, «приучился», а не обучился выполнению какого-либо действия.

Для современного сознания более актуальна, конечно, связь *обычая* и *обыкновения* с категориями, обозначаемыми в языке при помощи адъективных единиц *обыкновенный*, *обычный* ‘всегда свойственный кому-, чему-либо’, ‘заурядный, ничем не выделяющийся’ [ССРЛЯ, т. 8, с. 577–578]. Семы ‘всегда’ и ‘все’ (последняя импли-

цитно лежит в основе второго значения: «не выделяющийся среди всех, такой, как все») входят в семантическое ядро слова *обычай* и его синонимов, то есть соответствующее понятие включает признаки долговременности существования и / или всеохватности. Однако время существования и распространенность явления – относительные категории, иначе говоря, обычай все-таки существовал не совсем всегда, и, безусловно, далеко не все его придерживаются, есть «нарушители», однако дело не в «проценте реального охвата» времени и людей каким-либо обычаем, а в представлении об этом носителей языка, в признании ими того, что социум характеризуется негласным единством (пусть не абсолютным) общего порядка дел, в уверенности людей в том, что какое-либо действие выполняется многими одинаково и долго («мне кажется, что все всегда так делают, и я привык к этому обычаю»). Именно поэтому в анализируемых названиях социального установления (обычая) подчеркиваются не объективные признаки долговременности его существования или всеобщности, а субъективный компонент значения – психологическая приверженность человека, его склонность к тому, чтобы воспроизводить те действия, события, которых придерживаются все, то есть привычка.

Литературному *обыкновение* соответствуют фиксируемые в диалектной речи варианты волог., курск, арх., калуж., урал., моск., ворон., тул., перм., свердл., иркут., перм. *обнаконовѣние, обнаковѣние* ‘обыкновение, обычай’ [СРНГ, т. 22, с. 141], дон. *обнокновѣние* ‘обычай’ (*Абнакнавенія такаа пад новы́й гот калоткі халастым вязать*) [БТСДК, с. 329].

К праслав. **obvykь* / **obvyka* (производным от **obvykati*, **obvyknŭti* или *obvykt’i*) [ЭССЯ, т. 31, с. 117] восходят диал. [б/указ. м.] *óбык* и *обы́к* ‘привычка; навык, умение; обычай, обряд, обыкновение, мода; нрав, норы, характер’ (*На обыкь есть перевыкь*) [Даль, т. II, с. 658], диал. *óбык* и *обы́к* ‘обычай’ (арханг., ряз., тул., влад., яросл.), ‘навык, привычка’ (арханг., пек., ряз., перм.) [СРНГ, т. 22, с. 287]. Ср. также

ряз., влад. *обна́к* ‘обыкновение, обычай, привычка’ (*Всякая земля своим обнаком крепка; По обнаку*) [СРНГ, т. 22, с. 141].

Среди других приставочных образований с тем же корнем в варианте *-выч-(-вык-)* обнаруживаются лексемы с префиксами *с-* (с учетом особенностей произношения и, следовательно, графической фиксации – *з-* и *из-*) и *по-*: южн., зап.-брян., смол., влад., сарат. *свы́чай* ‘обычай’ (*Каков свычай, таков и обычай; Свычаи да обычаи промеж своих людей, а ум людской про весь мир*) [СРНГ, т. 36, с. 331], том. *свы́чы и обы́чы* ‘принятые порядки, привычки’ (*А тунгузы... те так и оставили свое наречье, свы́чы и обы́чы*) [СРНГ, т. 22, с. 289], южн., зап., брян., сев-двин., пск., помор. *звы́чай* и *звыча́й* ‘обычай, обыкновение; привычка’ (*Супротив нашего звычая не пойдешь. От стариков у нас этот звычай пошел*) [СРНГ, т. 11, с. 224], урал. *извы́чай* ‘обычай’ (*Побывал царь Пётр Первый в иных землях, полюбились ему тамошние все манеры, извычаи и всякие заведения*) [Малеча, т. 2, с. 116], север. *пóвык, повы́ка* и *повы́чка* ‘навык; обычай’ [СРНГ, т. 27, с. 270, 282], север. *пóвыком* ‘по обычаю’ [СРНГ, т. 27, с. 270].

Мотивировочный признак «(за)учить». В словарной статье, посвященной глаголу *вы́кнуть*, М. Фасмер указывает, что с этим гнездом этимологически соотносятся слова *обычай, учить, наука* [Фасмер, т. 1, с. 368]. В составленном нами ряду русских диалектных обозначений обычая присутствует дериват с приставкой *за-* и корнем *-уч-*: перм. *зау́чка* ‘обычай, привычка’ (*У меня и нынче зау́чка – капустны пироги стряпать*) [СПГ, т. 1, с. 315]. Производящая основа *заучить* здесь означает не освоение способа готовки пирогов, а частоту и привычность приготовления этого блюда. Приведенный контекст включает обозначение индивидуальной привычки, а не социального установления, однако это не мешает предполагать возможность его употребления в качестве обозначения общей для нескольких или многих людей особенности быта. К тому же лексема в любом случае подтверждает связь между морфемами *-ук/-уч-* и *-вык-*.

Мотивировочный признак «(по/на/из)вадить(ся)». Показательно, что слова *повадиться*, *навадиться* предлагаются в словаре В. И. Даля в качестве синонимов слова *обыкнуть*, включены в его дефиницию: *обыкать, обыкнуть* ‘при(на)выкать, взять привычку; на(по)вадиться, из(при)норовиться, приучиться к чему-либо’) [Даль, т. II, с. 658].

Существительные с корнем *-вад-* входят в ряд обозначений обычая: моск. *пова́да* ‘обычай, обыкновение’ (*Это безумная повада: како купанье в рубашке*) [СРНГ, т. 27, с. 213], уфим. *изва́дка* ‘обычай’ (*Извадка така у нас*) [СРНГ, т. 12, с. 99]. Думается, семантическим источником для значения ‘обычай, привычка’ здесь является значение ‘приучать / приучаться к чему-либо, приобретать привычку’, ср. диал. [б/указ. места] *ва́дить* ‘манить, привлекать, прикармливать, приваживать’ [Даль, т. I, с. 162], волог. *ва́диться* ‘готовиться к чему-либо, собираться, приучаться, навывать’ [Там же], курск., влад., волог. *ва́диться* ‘привыкать постоянно, часто делать что-либо, приучаться к чему-либо’ [СРНГ, т. 4, с. 12], диал. [б/указ. места] *вы́вадить*, *отва́дить (кого)* ‘отучить’ [Даль, т. I, с. 162] и др.

Мотивировочный признак «верить». Словом *вера* в русских народных говорах может обозначаться не только отношение человека к Богу или признание возможным какого-либо положения вещей, но и «бытовые обычаи», то есть правила, установления, организующие повседневную жизнь человека: арх. *ве́ра* ‘обычай, привычка’ (*У нас эта ве́ра нету, штобу дома запира́ть*) [Зотов, 2010, с. 87], сиб., иркут., якут., тобол., свердл., перм., казан., костром., волог., беломор., смол. *ве́ра* ‘обычный, традиционный порядок’ (*У них такая ве́ра, чтоб непременно потчевать; – Отчего ты кланяешься, подавая воду? – У нас такая ве́ра*) [СРНГ, т. 4, с. 120], свердл. *ве́ра* ‘обычай’ (*Кавалеры, бросьте ве́ру / Летом шапочки носить, / Кавалеры, бросьте ве́ру / По две милочки любить – частушка*) [ЭИС, вып. 3, с. 130], волог. *ве́ра* ‘обычай’ (*Кабы ве́ра такая была*) [Дилакторский, с. 77], яросл. *ве́ра* ‘обычай’ [ЯОС, вып. 2, с. 54], мурман., волог. *ве́ра* ‘обычай, традиция’

(Во всяком городе своя вера, говорят разное, обычаи разные; Ране веры не было в избах оклеивать) [СРГК, вып. 1, с. 172].

Правила, связанные с организацией повседневного существования человека, усваиваются добровольно и некритично из жизненной практики, составляют его личный опыт, детерминированный «своим» социумом (человек привыкает к определенному распорядку жизни, повторяющимся событиям, принимает на веру их нужность и не имеет повода усомниться в том, что возможно иное). Семантическое ответвление ‘обычай’ вполне объяснимо среди других значений слова *вера*, то есть согласуется с семантическим ядром этого полисеманта.

Его дериваты с приставками *по-* и *за-* также служат обозначениями правила, установления, соблюдаемого в быту.

Префиксальное образование с формантом *по-* известно литературной разновидности языка: литер. *повёрье* ‘предание, основанное на суеверии, убеждении в существовании мистических связей между явлениями’ (*Существующее в народе поверье, будто замеченный человеком гриб не вырастет, а завянет, по моим наблюдениям, совершенно несправедливо* – С. Акс. Замеч. и наблюд. охотника; *Поверье, что если раз не повезет, так не будет счастья до самого конца, оправдалось на мне самым блестящим образом* – Мам.-Сиб. Горой) [ССРЛЯ, т. 10, с. 86]. Однако иллюстративные контексты, подтверждающая точность дефиниции, наглядно показывают, что объект веры здесь имеет мистический характер. Диалектные же лексемы не содержат в своей семантике отсылки к сверхъестественным явлениям и связям, и в этом их принципиальное отличие от лексемы литературного языка: казан., нижегор., калуж., тул., смол., урал., вост.-казах., омск., новосиб., том., краснояр. *повёрье* ‘обычай, заведенный порядок в чем-л., привычка’ [СРНГ, т. 27, с. 230], забайкал. *пáвер* и *павёр* ‘уклад (жизни), обычай’ (*Кто по поверу живет, а кто по рассудку*) [СРНГ, т. 27, с. 226].

Другие префиксальные производные – с приставкой *за-* – фиксируются только в русских народных говорах: свердл. *завёрье* ‘обычно-

вание, обычай' (*Сейчас – где помолотили, там и ток. А раньше нет, этого заверья не было*) [СРНГ, т. 9, с. 306], свердл. *заверье* 'обычай' (*У нас много заверьев разных; Вот ведь како дурно заверье было; Бабка заверья все знала*) [ЭИС, вып. 3, с. 130], ворон. *заповѣрие* 'обычай; что-либо обычное, принятое' (*В старину было заповерие: ходить в гости всей семьей*) [СРНГ, т. 10, с. 334].

В отношении появления значения 'обычай' у перечисленных слов показателен контекст *Кто по поверу живет, а кто по рассудку* (см. выше) [СРНГ, т. 27, с. 226], в котором вера противопоставляется рассудку. Здесь особенно явственно различие между нерассудочным следованием принятым нормам жизни, которые усвоены опытным путем, в повседневной практике, и свободным, выстраиваемым «по своему разуму» поведением.

Анализ иллюстративных контекстов указывает на то, что речь не идет об обычае как составляющей исключительно религиозных норм (хотя отдельные контексты не исключают того, что в них подразумевается поведение человека в соответствии с религиозным, например, старообрядческим, каноном).

Слова с корнем *-вер-* не обозначают ни обряд, ни индивидуальную привычку человека, в отличие, например, от слова *обычай*: *У меня есть обычай пить чай поздним вечером* или *Обычай сватовства*. В нашем распоряжении нет подобных контекстов со словом *вера*. Однако приведем здесь контекст, в котором слово *вера* можно было бы толковать как обозначение привычки: яросл. *вѣра* 'желание, охота, намерение' (*У него веры нет, чтобы жене подсобить*) [ЯОС, вып. 2, с. 54] («У него привычки / обычая нет помогать жене»). Между тем, в словаре, как мы видим, дается другое толкование, которое также приемлемо на фоне других фиксаций: арх., олон., север., сев.-двин., волог., костром. *вѣра* 'желание, охота, намерение' (*Ему не вера пойти, не вера вставать с постели; У него есть вера к ученью; Мне вера есть жениться; У меня и веры не было по гостям ходить*) [СРНГ, вып. 4, с. 119] и др. (В последнем контексте за отсутствием

сведений о коммуникативной ситуации, в которой была произнесена фраза, тоже спорно толкование слова *вера*: есть вероятность, что информант подразумевал: «У меня и привычки не было по гостям ходить»).

Итак, в записях диалектной речи субъект веры обычно множественный, сводимый к собирательному образу – поколение, община, жители одной деревни или местности. Лексема *вера* соотносится именно с «бытовым обычаем», то есть распорядком жизни, особенностями организации быта (традициями гощения, незапиранием домов, подготовкой места обмолота зерна, оклеиванием стен в избе) и т. д.

Во внутренней форме диал. *вера* ‘обычай’ и его дериватов с тем же значением запечатлен взгляд носителя языка на обычай как явление, детерминированное отношением к нему человека – доверием к привычному распорядку жизни, повседневному опыту вне его критического восприятия. Обратим внимание, что предложенная Ю. С. Степановым трактовка концепта веры как модели, включающей двух актантов (участников) и связь между ними («круговорот общения») [Степанов, 2004, с. 405], здесь неактуальна, так же, как и выдвинутая Бенвенистом в отношении понятия веры-религии идея договора между неравными сторонами, из которых одна требует повиновения от другой, обзаясь взамен исполнить обещающее [Цит. по: Степанов, 2004, с. 403]. Смысловая модель *веры как внутренней убежденности, которая сформировалась под влиянием привычных обстоятельств*, существенно отличается от сходных в интерпретации веры (как взаимодействия актантов) моделей, разработанных Э. Бенвенистом, Ю. С. Степановым, тем, что *включает единственный актант: здесь субъект веры – тот, кто на основе повседневного опыта, жизненной практики признает действительность «обычной нормой»*.

Ю. Д. Апресян на основании анализа словоупотреблений лексемы *вера* делает сходный вывод: «Вера не предполагает никакого внешнего источника истинной информации. Это ментальное состояние чело-

века, мотивированное не столько фактами, сколько имеющейся в его сознании цельной картиной мира, в которой предмет его веры просто не может не существовать» [Апресян, 1995, с. 48]. Обратим внимание, что вера квалифицируется как «ментальное состояние», базой для которого является «картина мира», то есть представление о мире, сложившееся естественным образом, без намеренного воздействия извне.

Подведем итоги сказанному.

Привлечение слов *привыкнуть* (*обыкнуть*), *приучиться*, *поводиться*, *верить* в качестве мотивирующих элементов для обозначений обычая или для слов, которые затем дали импульс к соответствующей семантической деривации, говорит о том, что обычай трактуется средствами языка как феномен действительности, ставший привычным, принятый на веру и усвоенный («выученный») в силу практического опыта.

Называя эти мотивы *ментально-психологическими*, мы принимаем во внимание запечатленные во внутренней форме анализируемых слов представления об изменениях ментальности человека под воздействием психологических факторов. Формулирование мотивов данной группы при помощи глаголов кажется наиболее верным: человек *привык*, *«приучился»*, *поводился*, *верит*. Именно такие внутренние изменения в человеке имеют решающее значение для освоения им общего для членов данного социума общественного порядка. Интериоризация «внешних» правил основывается на конструировании в сознании человека картины своего социума с его обычаями.

Обычай предстает прежде всего психологическим конструктом. Под обычаем чаще всего понимается какое-либо действие человека – гощение, использование или неиспользование какого-либо предмета быта, выполнение хозяйственных работ, исполнение календарных и иных обрядов и т. д., но сами по себе факты действительности вне психологии их восприятия, обусловившей повторяемость, некритичное воспроизведение действий, не становятся обычаями.

Именно через снижение уровня рефлексии, критического отношения к происходящему в психологии определяется привыкание, а языковые данные, в свою очередь, фиксируют осмысление социальных установлений через привыкание и веру (*обычай, свычай, повада, заверье* и проч.). Вера традиционно толкуется как некритическое восприятие действительности. Привычка определяется в психологическом словаре как «автоматизированное действие, выполнение которого в определенных условиях стало потребностью» [БПС, с. 367] и трактуется как отменяющая интеллектуальные усилия человека, поиск им мотива к выполнению действий: «П. формируется в процессе неоднократного выполнения действия на той стадии его освоения, когда при его исполнении уже не возникает к.-л. трудностей волевого или познавательного характера» [Там же].

Таким образом, обычай, как показывает мотивационный анализ его обозначений в русском языке, осознается в первую очередь как «то, к чему привык человек, чему он верит». На первом месте здесь психологическая характеристика восприятия события человеком. Обозначения с внутренней формой «привыкнуть», «повадиться», «верить» и под. содержат импликацию позиции субъекта-носителя традиции – того, кто наблюдает за обычаем и / или исполняет его.

Помимо ментально-психологических мотивов, в обозначениях обычая воплощены иные мотивы, например, онтологические «быть», «появиться», «вестись» (*побыт, поява, заведение* и др.), организационно-регулятивные «вести», «править», «ходить» (*право, правило, обиход*) и др. Они также требуют системного осмысления и могут быть предметом дальнейших исследований.

Источники и принятые сокращения

1. БПС – *Большой психологический словарь* / [Н. Н. Авдеева и др.] ; под ред. Б. Г. Мещерякова, В. П. Зинченко. – 3-е изд., доп. и перераб. – Санкт-Петербург : Прайм-Еврознак, 2006. – 666 с.
2. БТСДК – *Большой толковый словарь донского казачества* / Ростов. гос. ун-т; Ф-т филологии и журналистики; Каф. общ. и сравнительн. язы-

кознания. – Москва : Русские словари : Астрель : Издательство АСТ, 2003. – 608 с.

3. Даль – *Даль В. И.* Толковый словарь живого великорусского языка : в 4 томах / В. И. Даль. – Москва : Русский язык, 1981–1982. – Т. I–IV. – (Репринт с изд.: Москва, 1880–1882).

4. *Зотов Г. В.* Словарь региональной лексики крайнего северо-востока России : около 6000 слов и выражений / Г. В. Зотов ; под ред. А. А. Соколянского. – Магадан : Изд-во СВГУ, 2010. – 539 с.

5. Малеча – *Малеча Н. М.* Словарь говоров уральских (яицких) казаков / Н. М. Малеча. – Оренбург : Оренбургское книжное изд-во, 2002–2003. – Т. 1–4.

6. СПГ – *Словарь* пермских говоров / под ред. А. Н. Борисовой, К. Н. Прокошевой. – Пермь : Книжный мир, 2000–2002. – Вып. 1–2.

7. СРГК – *Словарь* русских говоров Карелии и сопредельных областей : в 6 выпусках / гл. ред. А. С. Герд. – Санкт-Петербург : Изд-во Санкт-Петербургского ун-та, 1994–2005. – Вып. 1–6.

8. СРНГ – *Словарь* русских народных говоров : в 44 томах / под ред. Ф. П. Филина, Ф. П. Сороколетова, С. А. Мызникова. – Москва ; Ленинград ; Санкт-Петербург : Наука, 1965–2011. – Вып. 1–44.

9. СРЯ XI–XVII – *Словарь* русского языка XI–XVII вв. – М. : Наука, 1975–2008. – Т. 1–28.

10. ССРЛЯ – *Словарь* современного русского литературного языка : в 17 томах. – Москва : Наука ; Ленинград : Издательство АН СССР, 1948–1965. – Т. 1–17.

11. СЦСРЯ – *Словарь* церковно-славянского и русского языка, составленный Вторым отделением Императорской Академии Наук : в 4 томах. – Санкт-Петербург : Типография Императорской Академии Наук, 1847. – Т. 1. – 1847. – 415 с. – Т. 2. – 1847. – 471 с. – Т. 3. – 1847. – 491 с. – Т. 4. – 1847. – 487 с.

12. Фасмер – *Фасмер М.* Этимологический словарь русского языка : в 4 томах / Макс Фасмер; пер. с нем. и доп. О. Н. Трубачева. – Москва : Прогресс, 1986–1987. – Т. I–IV.

13. ЭИС – *Востриков О. В.* Традиционная культура Урала : этноидеографический словарь русских говоров Свердловской области : в пяти выпусках / О. В. Востриков. – Екатеринбург : Свердловский областной Дом фольклора ; Уральское литературное агентство, 2000. – Вып. 1 : Народный календарь. – 148 с. – Вып. 2: Народная свадьба. – 206 с. – Вып. 3 : Народная эстетика. Семья и родство. Обряды и обычаи. – 200 с. – Вып. 4 : Досуг (свободное от работы время, посиделки, гулянья, игры). – 161 с. – Вып. 5 : Магия и знахарство. Народная мифология. – 171 с.

14. ЭССЯ – *Этимологический словарь* славянских языков : праславянский лексический фонд / отв. ред. акад. О. Н. Трубачев. – Москва : Наука, 1974–2009. – Вып. 1–35.

15. ЯОС – *Ярославский областной словарь*. – Ярославль, 1981–1991. – Вып. 1–10.

Литература

1. Апресян Ю. Д. Проблема фактивности : *знать* и его синонимы / Ю. Д. Апресян // Вопросы языкознания. – 1995. – № 4. – С. 43–63.

2. Варбот Ж. Ж. Этимологические гнезда и лексико-семантические поля / Ж. Ж. Варбот // Русский язык : исторические судьбы и современность : III Междунар. конгр. исследователей русского языка (Москва, МГУ им. М. В. Ломоносова, филологический факультет, 20–23 марта 2007 г.) : труды и материалы / сост. М. Л. Ремнева, А. А. Поликарпов. – Москва : МАКС Пресс, 2007. – С. 45–46.

3. Веснина Г. Ю. Эволюция лексических средств выражения понятия «норма» в русском языке / Г. Ю. Веснина // Традиции и инновации в филологии XXI века: взгляд молодых ученых : материалы Всероссийской молодежной конференции / отв. ред. Т. А. Демешкина. – Томск: Изд-во Том. ун-та, 2012. – С. 87–89.

4. Глебкин В. В. Ритуал в советской культуре / В. В. Глебкин. – Москва : Янус-К, 1998. – 168 с.

5. Грицкевич Ю. Н. Концепт «МОДА» в диалектном дискурсе / Ю. Н. Грицкевич, В. Г. Новиков // Вестник Псковского государственного педагогического университета. – Серия «Социально-гуманитарные и психолого-педагогические науки». – Выпуск 15. – 2011. – С. 77–80.

6. Доброниченко Е. В. Функционально-семантические границы ритуального пространства : к вопросу об определении понятий / Е. В. Доброниченко // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. – 2013. – № 6 (81). – С. 7–12.

7. Кравченко А. В. О традициях, языкознании и когнитивном подходе / А. В. Кравченко // Горизонты современной лингвистики : Традиции и новаторство : сборник в честь Е. С. Кубряковой. – Москва : Языки славянских культур, 2009. – С. 51–66.

8. Львов А. С. Лексика Повести временных лет / А. С. Львов ; АН СССР, Институт русского языка. – Москва : Наука, 1975. – 368 с.

9. Мустайоки А. Какое оно, модное слово : к вопросу о параметрах языковой моды / А. Мустайоки, И. Т. Вепрева // Русский язык за рубежом. – 2006. № 2. – С. 45–62.

10. *Сичинава Н. Г.* Слово «закон» в древности и сегодня [Электронный ресурс] / Н. Г. Сичинава // Язык и право: актуальные проблемы взаимодействия : сборник материалов конференции : ЮФУ, ноябрь, 2013. – Ростов-на-Дону, 2013. – URL : http://www.ling-expert.ru/conference/langlaw3/sichinava_ng.html (дата обращения: 25.03.2014).
11. *Степанов Ю. С.* Константы : словарь русской культуры : словарь / Ю. С. Степанов. – Изд. 3-е, испр. и доп. – Москва : Академ. проект, 2004. – 991 с.
12. *Толстая С. М.* Мотивационные семантические модели и картина мира / С. М. Толстая // Русский язык в научном освещении. – 2002. – № 1 (3). – С. 112–127.
13. *Трубачев О. Н.* В поисках единства : взгляд филолога на проблему истоков Руси / О. Н. Трубачев ; Рос. акад. наук, Ин-т рус. яз. им. В. В. Виноградова. – 3-е изд., доп. – Москва : Наука, 2005. – 286 с.
14. *Чурсина О. В.* Лексикографические источники как один из способов экспликации концептов (на примере концепта «мода» в английском и русском языках) / О. В. Чурсина // Гуманитарные исследования. – 2008. – № 3. – С. 71–77.
15. *Шацкая Ж. Ю.* Взаимодействие концептов «мода», «стиль» и «fashion», «style» в русской и английской картинах мира / Ж. Ю. Шацкая // Казанская наука. – 2011. – № 3. – С. 103–105.

© **Леонтьева Татьяна Валерьевна (2014)**, кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры русского языка и культуры речи, ФГАОУ ВПО «Российский государственный профессионально-педагогический университет» (Екатеринбург), leotany@mail.ru.